

Н.Г. Пучко

ВАРЬИРОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ И ПРОИЗВОДНЫХ ОТ НИХ ДЕВЕРБАТИВОВ В ТЕКСТОВОЙ МАНИФЕСТАЦИИ

(The article examines a problem treated differently in linguistic literature – that of word-building variation. Diverse viewpoints on the issue are elucidated. Arguments are presented supporting the notion that the verb together with its derivatives could be considered variant nominations within the text. The theoretical material expounded in the article is illustrated with examples taken from German belletristic literature.)

В самой природе языка заложена возможность варьирования. (7, с.53) Оно пронизывает «язык в действии» во всех диапазонах его реализации, каждый раз по-новому окрашивая смысловой контекст. Варьирование представляет собой форму существования лингвистических единиц (1, с.38). Хотя потенциально оно задаётся уже системой парадигматических отношений, его реальное становление происходит лишь в речи, так как здесь варьирование специально стимулируется рядом факторов не только лингвистического, но и психологического, ситуативно-коммуникативного, прагматического и др. характера (9, с.81).

В современной лингвистической литературе представлены различные теории, концепции, модели феномена вариативности, и, в частности, одна из таких моделей – модель исследования языковых единиц сквозь призму варьирования предложена в лингвистике ФРГ В.Вильдгеном. Она построена по схеме четырёх ступеней, объясняемых следующим образом: ступень синтаксической вариативности (*syntaktische Variation*) не предполагает изменения значений; ступень семантико-прагматической вариативности (*semantisch-pragmatische Variation*) сохраняет в неизменном виде коммуникативное намерение; ступень риторико-прагматической вариативности (*rhetoisch-pragmatische Variation*) эксплицирует роль стилистического аспекта в формировании и оформлении элементов смысла; ступень текстовой вариативности (*Textvariation*) включает единицы и структуры языка в функциональную структуриацию текста, опору которой образуют некие обобщённые статистические параметры (12, с.110).

Лингвистическая традиция трактует вариативность как «процесс и/или результат появления у исходной единицы ... неких модифицирующих её в том или ином отношении разновидностей ..., не ... затрагивающих тождества единицы самой себе» (3, с.225). Некоторые лингвисты склонны думать, что это положение не применимо к словообразованию: «... словообразовательный значит относящийся к разным словам, а это противоречит внутренней сущности категории варьирования как модификации в пределах одного слова» (4, с.157). Однако такой вывод не бесспорен: опираясь на корневое слово как

производящую базу, возможно наблюдать словообразовательное варьирование, варианты в границах словообразовательного гнезда, фиксируя вместе с тем лингвистическое тождество, как его истолковывал В.В. Виноградов: «Тождество есть единство в многообразии одного». Почти аналогично сформулирована мысль и в концепции В.М. Солнцева, уделившего вариантам много внимания: основой объединения единиц в ряд вариантов, а следовательно, и основой тождества единиц является наличие у них общего инварианта, получаемого в результате «извлечения общего из ряда» (6, с.213). С точки зрения словообразования «ряд» возможно трактовать как словообразовательное гнездо, в котором общим является корень, он же инвариант, объединяющий, в частности, образованные от глагола имена (девербативы) в набор вариантов, при том, что их тождество основывается именно на корневой морфеме – общем для всех лексико-семантическом стержне. Словообразовательный формант у имён указывает семантическую категоризацию, т.е. фактически дифференцирует именные дериваты внутренне (11, с.65).

С точки зрения экстралингвистического обоснования языковое тождество должно базироваться на единстве денотата – ситуации, номинантами которой выступают глагол и его производные. Говорить об именовании ситуации, а не отдельного её фрагмента, позволяет сама специфика производящей базы-глагола, служащего центром языкового отражения логического предиката и формирования предикации. Производные от глагола имена правомерно воспринимаются, и это отражено в лингвистической литературе, как языковые единицы со свёрнутой предикацией. Эксплицируя процесс, глагольный стержень как центральный узел имплицитно объединяет всех участников процесса. Указанное свойство специально рассматривает Ю.С. Степанов, подчёркивая, что полная характеристика глагола «включает в себя не только описание самого предиката, но и описание тех имён, которые он соединяет в рамках предложения – субъекта и объектов ...» (8, с.119). Девербативы, как произведённые от глагола единицы номинации, имплицитно соединяют в своём значении действие и его участников.

На уровне текста через совстречаемость глагола и его производных происходит развёртывание процесса в направлении развития темы, поскольку наличие общей корневой лексемы способствует прочерчиванию единой линии смысловой связи «ассоциативным способом» (5, с.3).

„An jenem Abend sahen Julika und Stiller einander zum erstenmal. Stiller inmitten dieser übermütigen Gesellschaft, die nun sein Atelier füllte, war so still, daß Julika seinen Namen anfänglich für seinen Spitznamen hielt. Jemand nötigte ihn dann, seine „tolle Geschichte von Toledo“ zum besten zu geben. Stiller wollte durchaus nicht. Es war keine Ziererei; er wollte wirklich nicht, und man sah, es war ihm eine Pein, als dann sein Freund, ein junger Architekt Sturzenegger, eigenmächtigerweise zu erzählen begann. Nun mußte Stiller

natürlich eingreifen, ergänzen, zu Ende berichten. Jene Geschichte von einem russischen Gewehr, das nicht losgeht, interessierte die junge Balletteuse nicht besonders, denke ich; sie achtete weniger auf die Geschichte, als auf den Erzähler, der beim Erzählen immerfort mit seinen Fingern arbeitete.“ (M.Frisch „Stiller“, S. 168-169)

„Der Gesang vor dem Juwelierladen, der Jan Bronski zum Dieb, meine Mama zur Besitzerin eines Rubinencolliers machte, sollte vorläufig meine Singerei vor Schaufenstern mit begehrenswerten Auslagen beenden.“ (G.Grass „Die Blechtrommel“, S. 134)

В обоих приведённых контекстах действие, отражённое в глаголе, – эксплицитно erzählen и имплицитно singen – получает развитие через производные того же корня: в первом контексте Erzähler, Erzählen, во втором – Gesang, Singerei. Наличие стольких единиц одного исходного значения в каждом контексте подчёркивает его главную тему, т.е. служит выстраиванию внутритекстовой смысловой связи.

Вариативность проступает при этом в присутствии различных словообразовательных конструкций, привносящих в лексико-семантическое ядро, а значит и в главное содержание, оттенки дополнительных характеристик, которые проявляются как прибавление чего-то существенного к представлению референта. И. Барц отмечает, что производящая база и её производные, указывая на один и тот же отрезок действительности, являются различными модификациями его представления, в силу наличия в них общих семантических признаков, с одной стороны, и различных категориальных значений, с другой стороны (10, с.111).

В вышеприведённом изложении обрисовывается механизм варьирования, объединяющий уровни лексики, словообразования и синтаксиса через «разноструктурные единицы номинации, служащие обозначению одной и той же ситуации» (3, с.26). И это по праву можно считать несогласием с теми, кто отрицает существование словообразовательного варьирования, а значит и отнесение глагола с его производными к вариантным номинациям (вариантам).

Варьирование, служащее реализации полифункциональности языка, подчиняется влиянию двух противоположно направленных тенденций: с одной стороны, тенденции экономно передавать имеющимися в языке средствами актуальную информацию; с другой стороны, тенденции отражать при этом всё необозримое множество нюансов и отношений, связываемых с восприятием ситуаций реальной жизни. Под столь сложным воздействием в языке развивается механизм порождения многообразных значений, без которых он бы не мог с максимальной эффективностью выполнять коммуникативную функцию, – формирование смысла текста. Примером может служить следующий контекст:

„Nun war aber Xaver weg, und ein neuer Bursche hatte in Xavers Stube Einzug gehalten. Sepp hieß er. ... Aber was für ein Schlappschwanz war Sepp, er stand sogar stramm, wenn der Vater an ihm vorbeiging. Auch vor mir nahm er etwas von strammer Haltung; dieses ewige Strammstehen konnte mir nicht imponieren ... Aber ich machte von seinem Strammstehen keinen Gebrauch, selbst das Reiten freute mich nicht bei diesem Strammsteher. Der Strammsteher wollte es bis zum Feldwebel bringen ...“ (J.Becher „Abschied“, S. 141)

Именно в этом контексте отражаются обе тенденции: тенденция к экономии выражения проявляется в образовании сложных слов на базе исходного глагола – strammstehen, таких как Strammstehen в повторе и Strammsteher также в повторе. Повтор в свою очередь содействует указанной тенденции, т.е. избавляет от необходимости более пространныго выражения. Вторая тенденция – к отражению множества нюансов – реализуется уже в самом разнообразии номинаций главного понятия в столь малом объёме текста: начало номинациям задаёт глагол strammstehen, далее появляется конкретизирующий нюанс in strammer Haltung, потом суммарный результат поведения в субстантивированном инфинитиве Strammstehen и характеристика самого действующего лица по характерному признаку его поведения – Strammsteher. Аналогичное содержится и в следующем фрагменте:

„Ein Träumer. Oh, was bist du doch für ein verwegener Träumer: Hast immer geträumt, einmal auf einer Lokomotive zu reiten, hast auch geträumt, einmal des Feindes Panzer mit der Faust zu durchschlagen, und Feldwebeln wolltest du immer was tun, im Schlaf, im Traum, und wieviel Schlaf ist dir verkürzt, weil sie hinter dir her gewesen sind, alle hinter dir her, hinter dir ganz allein, und haben dich gejagt, bis du, im Traum, im Traum, Mark Niebuhr, unter ein Bett geflohen bist, im Traum.“ (H.Kant „Aufenthalt“, S. 175)

По главному действию träumen возникает ряд компактных и в то же время передающих нюансы номинативных единиц – Träumer, Traum, при чём последнее как характерный признак состояния лица подчёркивается повтором многократно.

Наглядно результативно вариативность проявляется, именно начиная с лексического уровня, когда на основе «живых словообразовательных моделей ... образуются новые лексические единицы языка»; затем она выходит на синтаксический уровень, на котором почти регулярно осуществляется по принципу «трансформаций предложений (знаков ситуации) ...», могущих в дальнейшем быть употреблёнными в функции имён, т.е. наименований данной ситуации в составе других предложений» (2, с.9); кончается развитие вариативности текстовым уровнем.

„Die anderen setzten sich einen halben Meter von Georg entfernt auf einen Grasplacken um einen kleinen zottig-braunen Jungen, der etwas in seinem Schoß schnitzte ... Georg sagte lächelnd ...: „Du willst einen Bumerang machen“. Unmerklich waren die Buben von ihrem Grasplacken weg auf einen

Sand dicht um Georg herumgerückt, so daß der zottige kleine Bumerangschneider jetzt sogar abseits saß ...“ (A.Seghers, „Das siebte Kreuz“, S. 155, 157)

„Ich muß Sie warnen!“ unterbrach der Dichter seinen Gang und stellte sich vor mir auf, „wenn ich auch weiß, daß Sie meiner Warnung nicht folgen werden ... Betrachten Sie bitte zunächst einmal aufmerksam die Zeit, in die Ihr Talent geraten ist ...

Eine unbändige Spottlust brach in mir los, bei jedem seiner Sätze. Ich begleitete sie: „Fahren Sie fort, Herr Warner ...“ (J.Becher „Abschied“, S. 307)

Вышесказанное убедительно иллюстрируется обоими контекстами. В первом из них исходная номинация глаголом действия переходит на синтаксический уровень, приобретая форму словосочетания, и затем, снова на лексическом уровне, совместное значение закрепляется снова в виде лексической единицы: *schneiden – einen Bumerang machen – Bumerangschneider*. Итоговая лексическая единица воссоединяет лексический и синтаксический уровни.

Во втором контексте исходная номинация действия глаголом *warnen*, представленная в синтаксической конструкции предложения сочетанием с модальным глаголом *muß*, переводится в виде обозначения действия уже лексическим способом – именем действия *Warnung*. Итоговая же лексическая единица контекста формируется как имя деятеля, подчёркивая субъекта и то, чем он занимается в рамках контекста.

Разные варианты именованности одного и того же кванта содержания в тексте отображают его под разными углами зрения, выдвигая на передний план то, что актуально на данном участке текстоформирования. В соотносённости с одним и тем же референтом варианты, следовательно, актуализируют разные признаки и объёмы квантовых участков. Точнее говоря, в целом тексте порождаются дополнительные смыслы и их оттенки, но не имплицитно, а через словообразовательные конструкции, служащие внешними сигналами этих новых смыслов. Изучение такого рода сигналов позволяет проникнуть не только в смысл текста, но и в то, что не менее существенно, во внутренний настрой автора, т.е. его намерение, поскольку именно наличие определённых намерений, т.е. в целом авторской интенции диктует «пропуск» в текстообразование одних номинаций, а не других, как раз тех вариантов, которые способны участвовать в создании определённого прагмакоммуникативного эффекта. Так, например, по авторской интенции иронически окрашены созданные в контекстах номинанты *der Strammsteher*, *der Warner*, *der Bumerangschneider*, именно они отвечают планируемому автором прагмакоммуникативному эффекту.

Итак, подход к отглагольным производным как к вариантным наименованиям одного и того же референта наилучшим образом

согласуется с установками коммуникативной стилистики, а исследование специфики передачи ими типовых значений прямо вписывается в аспект развёртывания смыслового ядра текста. И было бы нецелесообразно разграничивать, т.е. отдельно оценивать ономаσιологический и семасиологический аспекты обсуждаемого явления, поскольку в указанном ракурсе рассмотрения они комбинируются (9, с.221). Развёртывается единый «поток» текстоформирования, с единым общим смыслом и единым «образом автора» – его интенцией, направленной не только на сам смысл, но и на то, как он должен быть декодирован адресатом, чтобы получился желаемый результат.

Библиография

1. Авербух К.Я. Терминологическая вариативность: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 38–49.
2. Бархударов Л.С. Контекстуальное значение слова и перевод // Сборник науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 238. – М., 1984. – С. 3–17.
3. Кубрякова Е.С. О природе варьирования языковых единиц и его основных типах // Тезисы докладов. – Всесоюзн. конф. Проблемы вариативности в германских языках. – М., 1988. – С. 25–27.
4. Лукьянова Н.А. Однокоренные синонимы и варианты слова // Синонимия в языке и речи: Докл. конф. – Новосибирск, 1970. – С. 151–164.
5. Солнцев А.В. Виды номинативных единиц // Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С. 133–137.
6. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1971. – С. 211–239.
7. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. – М.: Наука, 1979. – 326 с.
8. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. – М.: Наука, 1981. – 359 с.
9. Хованская З.И. Стилистика французского языка. – М.: Высшая школа, 1984. – 344 с.
10. Barz I. Nomination durch Wortbildung. – VEB Verlag Enzyklopädie. – Leipzig, 1988. – 233 S.
11. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – VEB Bibliographisches Institut. – Leipzig, 1976. – 354 S.
12. Wildgen W. Differentielle Linguistik (Entwurf eines Modells zur Beschreibung und Messung semantischer und pragmatischer Variation). – Max Niemeyer Verlag. – Tübingen, 1977. – 287 S.

Источники материала

- Becher J.R. Abschied. – Berlin: Verlag Neues Leben, 1979. – 447 S.
- Frisch M. Stiller. – Verlag Volk und Welt. – Berlin, 1976. – 566 S.
- Grass G. Die Blechtrommel. – Verlag Volk und Welt. – Berlin, 1986.
– 612 S.
- Kant H. Der Aufenthalt. – Berlin: Rütten & Loening, 1982. – 600 S.
- Seghers A. Das siebte Kreuz. – Berlin: Aufbau – Verl., 1962. – 411 S.